

К.К. ЛОГИНОВ

ДЕРЕВЬЯ И КУСТАРНИКИ В ПОВЕРЬЯХ НАРОДОВ КАРЕЛИИ

Магические качества, приписываемые в народе разным породам деревьев и кустарников, произрастающих на территории Карелии¹, по принципу «положительности» или «отрицательности» этих качеств можно представить как своеобразную шкалу. На одной стороне такой шкалы сконцентрированы породы, наделенные свойствами безусловной «святости», на другой — породы со свойствами безусловной ритуальной «нечистоты», середину же занимают породы с нейтральными качествами.

«Святыми» у карел, вепсов и русских Карелии повсеместно считались рябина, можжевельник, ольха и вереск, иногда называемый у русских южной Карелии заимствованным от вепсов словом «канабра». Безусловно «нечистым» деревом у всех трех народов считалась только осина.

Почему та или иная порода дерева или кустарника причислена была народными поверьями к категории «святой» или «нечистой», в настоящее время выяснить удастся далеко не всегда. В севернорусских преданиях о сотворении мира хоть и сообщается, что полезные на земле предметы сотворил Бог, а вредные — Дьявол в образе черного гоголя², о сотворении деревьев и кустарников нет ни слова. В карело-финском эпосе о творении всего сущего на земле происхождению деревьев уделено много внимания³, но и там нет указаний, какие деревья и почему священны, а какие нет. И только о березе эпос говорит как об излюбленном дереве демиурга Вяйнемийнена⁴.

Большинство современных информантов не способны объяснить, почему конкретное дерево у них считается «святым». Они просто постулируют, что такое-то дерево или кустарник «священный» или «их боится черт» (вар.: водяной, леший, домовый), а потому они используют их так-то и так-то. Но обосновывая «святость» ольхи, информанты ссылаются на красноватый оттенок ее листьев и особый цвет ольховой древесины (находят сходство цвета древесины ольхи с цветом человеческой крови)⁵.

Говоря о рябине, ссылаются на красный цвет ее плодов, на покраснение и пестроту⁶ ее листьев при увядании. Действительно, именно предметы красного цвета народ использовал для защиты от порчи и сглаза, как оберег от покойника (ср. красный цвет вышивок на одежде, красный лоскут или ольховая ложка за пазухой у беременной женщины, когда ей приходится подходить к покойнику, чтобы проститься с ним). Однако те же самые люди не способны объяснить, почему крушина, также имеющая «пестрые» листья, ни одним из народов Карелии не относится к категории «святого» кустарника. Наоборот, крушина тяготеет скорее к категории «нечистых» пород деревьев и кустарников. Ветки ее не рубят даже на корм скоту, а плоды ее не употребляют в пищу, опасаясь оглохнуть. Даже название ее в некоторых русских говорах Карелии звучит, как «глушина», то есть сближается с понятиями «оглохнуть», «оглохнуть».

Объясняя «святость» можжевельника (в русских говорах Карелии он зовется «фересой»), знатоки из народа обычно говорят о том, что «фереса не боится порчи», а дым ее иголок и веток «изгоняет нечистую силу» потому, что ее древесина опять же имеет «розоватый цвет» и практически не подвержена гниению. Тема неподвластности можжевельника гниению озвучена и в некоторых заговорах, произносившихся во время окулировки дымом можжевельниковых веток скота перед выпуском на летние пастбища, для снятия сглаза с человека перед отправлением на охоту или рыбную ловлю и т.д. «Фереса, святое дерево. Ты не боишься ни бури, ни падеры [ненастья], ни осенней хмелки. Так бы не боялась [называлось имя животного или человека] ни бури, ни падеры, ни осенних мелких дождей. Тыфу! Аминь!»⁷ При кажущейся логичности такого народного взгляда на природу «святости» можжевельника ни один знаток из народа не способен объяснить, почему не используется в качестве «святого» дерева лиственница (произрастает в восточной части Пудожского р-на Карелии), древесина которой вообще практически не гниет.

При объяснении «святости» вереска знатоки ссылаются на то, что его запаха

(исходит от мелких соцветий вереска) боятся мыши, клопы и тараканы, то есть «нечистые» твари в доме, а потому он изгоняет и собственно нечистую силу из дома. Похоже, аналогичная аргументация привела к использованию в Карелии в качестве оберега веток бузины: их обычно раскладывают в подполье поверх картофеля, чтобы неприятный запах отпугивал мышей, а также ставят в банки на кухне, когда в жаркую пору особо досаждают мухи.

Береза и карельская береза («древовитлеватое» карело-финского эпоса) относились к «святым» деревьям у карел и финнов только в древнюю эпоху. Именно из карельской березы, согласно древнему эпосу, Вяйнемийнен сделал свое второе кантеле, взамен утраченного кантеле из челюстей щуки. В XIX — начале XX в. береза у народов Карелии считалась деревом с ярко выраженными положительными качествами. Тем не менее сакральность в березе не проступала настолько очевидно, чтобы народы Карелии относили это дерево к безусловно «святым». Способность противостоять колдовской порче однозначно приписывалась только березовой коре, и скорее всего из-за ее устойчивости к гниению. Четких ответов на этот счет мы не получили, но в пользу нашего предположения свидетельствует обычай заворачивать в бересту пастушью молитву-«отпуск» (колдовская порча не должна была коснуться ее ни в коем случае). Скипидар, получаемый из березовой коры, наделялся в народе еще большей способностью отпугивать нечистую силу. Скипидаром в Карелии смазывали свои плетки колдуны, чтобы отогнать нечистую силу от охраняемого ими свадебного поезда. Скипидаром и сейчас еще кое-где принято рисовать кресты над дверями и окнами, чтобы уберечь дом от нечистой силы, а также от удара молнии⁸. Магические качества, как представляется, народ приписал скипидару из-за его едкости, из-за особенности его получения, связанной с нагреванием в огне. Особую силу продуцирующего характера, по поверьям народов Карелии, березовые ветви получали дважды в год — на Троицкой неделе, а также на Ивановской

КОНСТАНТИН КУЗЬМИЧ ЛОГИНОВ,
канд. ист. наук; Карельский научный центр
РАН (Петрозаводск)

е, когда все растения, как считалось, достигали пика своего развития. Человек, попарившийся «троицким» веником на Троицу или «ивановским» веником в канун дня Иоанна Крестителя (7.07 н. ст.), излечивался от 40 хворей. Вера в силу «троицкого» веника до наших дней еще бытует на территориях карельско-финского пограничья, в силу «ивановского» веника — на остальных территориях Карелии. В Карелии считалось, что магическая сила «ивановского» березового веника может быть усилена обычным человеком за счет закладывания в него полевых цветов или колдунами — за счет изготовления веника из «тридевяти» (27) прутьев. Карельские колдуны в XIX — начале XX в. с подобными вениками ходили в своеобразный колдовской отход, зарабатывая на жизнь обрядовыми парными процедурами в бане. Считалось, что после такой процедуры непременно повышалась «слабость» девушек на выданье и притягательность их для потенциальных женихов⁹. О сакральности березы в эти два периода говорят также старинные гадания о замужестве по заплетенным в косицы ветвям березы в канун дня

Иоанна Крестителя (обычай бытовал повсеместно) и по ветвям, завитым в колечки на живых березах на Троицу (в Карелии — только у русских Пудожья и окрестностей Петрозаводска).

На березовый веник начитывали свои заговоры колдуны. Такой веник прятали под камень, если желали навсегда похоронить свои колдовские знания, опасные для непосвященных¹⁰. На березы было принято сводить болезни человека (дизурию и другие). Именно березы у народов Карелии все еще принято высаживать у дома для преодоления тяжелой болезни. Верят, если деревце приживется, то и человек выживет. Обычай сажать березы перед уходом на войну (если будет живо дерево, то и человек с войны вернется живым), похоже, уже канул в лету. Береза наряду с рябиной¹¹ считалась одним из наиболее «окультуренных» деревьев дикой лесной природы. «Благорасположенность» березы к человеку, видимо, в немалой степени действовала тому, что именно ее высаживали народы Карелии перед своими домами, чтобы она своей кроной оберегала их от бурь, грозящих сорвать кровлю с жилища.

Положительными, хотя и не такими всеобъемлющими, как у березы, качествами у народов Карелии наделялась **сосна**. Деревьями-часовнями¹² с устроенными в нишах ствола иконами, складнями, распятиями или деревянными икатрионами в Карелии были исключительно сосны. Культовыми деревьями «карсикко»¹³ карел и вепсов (у русских Карелии и сопредельных областей их приблизительным аналогом были «метные» деревья или деревья с обрубленными сучьями) тоже чаще всего были сосны (а также ели, намного реже — березы). «Колдовскими» деревьями, к которым колдуны Карелии регулярно приходили, чтобы набраться сил для управления подвластной им нечистой силой, у карел, а также поморов почти всегда являлись сосны, тогда как у вепсов и русских южной Карелии в роли «колдовского» дерева преимущественно выступала береза. Среди прочих деревьев «колдовское» дерево иногда выделяет раздвоенность ствола, а чаще — множественность сучьев на вершине. В наши

Кладбище Жилой ручей (Пудожье, приток р. Илексы). На «семейных» соснах возле могил — фамилии, имена и отчества похороненных здесь людей. 1998 г. Фото А.В. Конкка

дни почти любая знахарка Карелии, работающая традиционными методами, имеет подобное дерево у себя на усадьбе, чтобы не тратить силы на походы в полночь на лесную росстань. Жизнь колдуна (или традиционного знахаря) и его «колдовского» дерева тесно связана. Считается, что когда такое дерево падает, колдун умирает¹⁴. Если колдуну жизнь становилась в тягость, он лично срубал свое «колдовское» дерево. Срубание такого дерева, как считается, также облегчает предсмертные мучения колдуна¹⁵. Обычные люди, не обладающие магическими знаниями, тоже могли и могут иметь «свое» дерево. Но зовется оно «именным». Это либо дерево, посаженное на усадьбе специально для исцеления от тяжелой болезни, либо дерево, посаженное на имя всех членов семьи. В последнем случае о здоровье и близкой судьбе членов семьи судят по буйности зелени «именных» суков. У карел «именным» деревом семьи чаще всего выступала сосна, у русских и вепсов Карелии — береза. Место высаживания сосны на усадьбе, в отличие от рябины и березы, — это пространство позади посада картофеля. «Именными» у народов Карелии могли быть и кладбищенские деревья, высаженные на могилах предков или же выросшие на кладбище сами собой. У карел и у большинства русских Карелии это почти всегда была сосна, реже — береза или ель. «Именные» намогильные деревья когда-то было принято помечать глубокими затесками. На большей части Карелии эта традиция дожила до начала 1930-х гг. На северо-востоке Карелии вместо затесок вырубались топором и выжигались раскаленным железом инициалы умершего, крайне редко — на очищенном от коры стволе сосны выжигались полное имя, фамилия и отчество умершего. Иногда на одном дереве выжигались фамилии, имена и отчества всех похороненных около дерева членов семьи. Такое дерево становилось «семейным кладбищенским деревом». У северных карел и поморов все еще бытует и несколько иной обычай — срубать ветку с сосны или ели на кладбище после похорон родственника, а на усадьбе — в честь рождения нового члена семьи. Данный обычай бытует и в Пудожье, в районе Муромского монастыря. В восточной части Карельского берега, где этот обычай уже уходит в прошлое, вместо срубания суков на кладбищенских соснах практикуется обычай срубать

ветку с центрального кладбищенского дерева либо ударять острием топора по крайней справа сосне на выходе с кладбища. В заключение сюжетов, связанных с сосной, отметим, что на сосну, как и на березу, тоже сводились и сводятся людские болезни.

Положительными качествами, пусть и без оттенка «святости», в народных поверьях Карелии отмечалась **калина**. Сок ее золотистых ягод и отвар из ее веточек использовался в народной медицине — для излечения золотухи. В использовании калины именно для этой цели имелись две составляющие: рациональная и иррациональная. Сок ее ягод и отвар веточек действительно подавляют аллергические реакции организма. Иррациональная составляющая состояла в магии уподобления: «золотуху» следует лечить «золотом».

Сильными продуцирующими качествами у вепсов наделялась **ива**, т.к. ива легко приживается на новом месте, дает все новые и новые побеги. Вепсы при продаже ягодных кустарников соседям произносят такой заговор: «Мне пусть останется ивовый куст, а им — сосновая верхушка»¹⁶.

Практически не получили распространения в Карелии поверья о какой-то сакральной силе **боярышника**. Присутствие на ветвях этого кустарника жестких колючих шипов, красных ягод с целебными свойствами, краснеющих по осени листьев было бы в глазах крестьян вполне достаточным основанием для отнесения боярышника к священным породам деревьев. Однако произрастание его в Карелии ограничивалось даже в начале XX в. садами при домах интеллигенции в уездных центрах, а в деревнях его просто не знали.

Нейтральными качествами у народов Карелии наделялись **липа**, а также реликтовый **ясень**, именуемый у русских Карелии «ильмой» (они произрастали только до широты Заонежья). Дикая **малина**, дикая черная и красная **смородина**, с народной точки зрения, сверхъестественными свойствами тоже не отличались, хотя их листья повсеместно использовали в качестве суррогата чая. Нейтральными считались и такие ягодные кустарники, как **брусника**, **черника** и **голубика**. В наши дни, когда на дачных участках Карелии получают распространение все новые виды плодовых кустарников (крыжовник, черноплодная рябина, вишня, ирга и т.д.), яркими положительными качествами народ наде-

ляет только **облепиху**, за счет целебности ее ягод.

Поверья, связанные с **елью**, у народов Карелии носят двойственный характер. С одной стороны, сохраняется вера, что жильцы в доме начнут умирать, если кончики ее веток дотянутся до стен дома¹⁷, с другой стороны, из ели делали предметы, которые наделялись высокими продуцирующими качествами. Например, еловые боронь-суковатки использовались в обрядах поднимания славы захудалых женихов и невест, умения свата сватать, в гаданиях о замужестве, в обрядах снятия порчи, а зуб от такой боронь, забитый в крышу, как считалось, вынимал душу из умирающего колдуна. Ель часто выступала в качестве культового («карсикко», «метного») дерева, ее смола, как и смола сосны, использовалась и используется для изготовления деревенского ладана, чтобы изгонять «нечистых» духов из дома или с кладбища. Подробно поверья о ели у народов Карелии, их соседей, а также и у отдаленных от Карелии европейцев описаны в статье В.П. Ершова¹⁸. Отметим лишь, что ель — безусловно, «дерево мертвых», но по большинству как раз этих-то параметров она соответствует сосне, но с той лишь разницей, что на кладбищах ее специально никто не сажал. Поскольку затески на стволах елей, что делались по случаю похорон родственниками, затягивались в десятки раз быстрее, чем на соснах, постольку они и остаются практически неизученными. Вряд ли связаны с представлениями об исключительной привязанности ели к миру мертвых народные обычаи просить разрешения переночевать под защитой ее ветвей. В наши дни в Карелии уже никто, наверное, не произносит заговор: «Ель-еленица, красная девица, оборони от темной ночи»¹⁹, но сведения о том, что застигнутые ночью в лесу охотники просят «своими словами» у деревьев разрешения переночевать, нам доводилось записывать в южной Карелии как от вепсов, так и от русских и карел.

Скорее отрицательными, чем положительными качествами, по поверьям народов Карелии, обладала **черемуха**. Хотя ее плоды и употреблялись в пищу, а в период цветения это растение радовало глаз, высаживали черемуху на усадьбе подальше от дома. Считалось, что, как только ее длинные корни про-

гут под жилище, живущие в доме люди вымрут или покинут навсегда родное селение²⁰.

Отрицательные качества в народных поверьях Карелии приписывались осине. Объяснения, как правило, восходят к апокрифическим христианским легендам. Говорят, что на осине Иуда удавился и оттого ее листья дрожат даже в безветрие; что береза и дуб скрыли Христа от преследующих его врагов своими ветвями, а осина дрожанием листьев Христа выдала. У народов Карелии, впрочем, имеется еще одно объяснение сакральной нечистоты осины: «Осина потому нечистое дерево, что она к себе все нечистое притягивает. Потому-то ее сердцевина всегда гнилая, порчей источенная». Наличие гнилой сердцевины почти у каждой осины колдуны Карелии повсеместно использовали в доказательствах своего умения «наводить» и «снимать» порчу. Сначала шептали над молодой осинкой заговор, якобы «портили» ее, а потом произносили другой — как будто «снимали» порчу. После этого колдуны срезали осинку и показывали людям ее темнеющую сердцевину, утверждая, что даже после «снятия» порчи след от нее всегда остается, будь то на дереве или человеке. Осину колдуны и знахари Карелии использовали в обрядах вызывания на разговор лесных духов. Кол из осины, забитый в землю острием вверх, они использовали, чтобы занять «нечистых» духов, когда люди шли отыскивать скот или утерянные в лесу вещи. Осиновое полено клали под кровать для облегчения смерти колдунам. Если это не помогало, то забивали им в задний проход осиновый колышек. Осиновым колом пробивалось тело колдуна в могиле.

В верованиях народов Карелии фигурировали также породы деревьев и кустарников, которые хоть и не произрастали в Карелии, но тоже наделялись особыми свойствами. Прежде всего назовем «древо кипарисовое». О **кипарисе** в Карелии знали лишь из описаний жизни Христа. В России в Вербное воскресенье (на праздник Входа Господня в Иерусалим) ветки кипариса заменялись распутившейся вербой, которую освящали в православных храмах и вносили в дома, чтобы передать через них божественную благодать всему дому, обитающим в нем людям и животным. Традиция бытует и в наши дни. Можно также указать, что самая популярная у народов Карелии молитва-оберег «Сон Пресвятой

Богородицы», ходившая в виде рукописного апокрифа, тоже содержала слова о «древе кипарисном».

Как правило, положительными качествами у народов Карелии наделялся дуб. Дуб фигурировал во многих севернорусских былинах как символ негибавшей мощи. С тем же значением дуб упоминается и в некоторых народных заговорах. В эпосе карел (калевальские руны о гигантском дубе, крона которого застила свет всему миру) указанная символика дуба также проступает достаточно отчетливо. В реальности с природными свойствами дуба в Карелии XIX — начала XX в. были знакомы только поморы. Они закупали дубовый брус для изготовления рулей к морским судам, иногда делали из дуба намогильные памятники²¹.

Не произрастали в Карелии, но часто упоминались в русских песнях такие деревья и кустарники, как **вишня, яблоня, виноград и роза**, выступая в качестве «формульных мотивов» или «припевов»²². Русские свадебные и лирические песни заимствовались карелами и вепсами. Притом карелы и вепсы, далеко не всегда понимая до конца смысл исполняемых ими песен, заимствовали и содержащуюся в песнях символику. Вишен, винограда и садовых роз в Карелии в прошлом в глаза не видели. Яблони же дички к концу XIX в. имелись при домах сельской интеллигенции и священнослужителей до широты северного Зонежья. Яблоками-дичками на Яблочный спас (19.08 н. ст.) местные торговцы торговали даже в средней Карелии (в Выгозерье). С настоящими яблоками (но не яблонями) были знакомы поморы. К ним

«Общее» кладбищенское дерево в д. Гридино Кемского р-на Карелии. 2000 г. Фото К.К. Логинова

яблоки вместе с апельсинами и другими южными фруктами в начале XX в. постоянно доставлялись из Петербурга или из-за моря.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что представления о магических качествах деревьев у народов Карелии во многом сходны. Их сходство между собой порою превышает сходство аналогичных представлений русских Карелии и, например, украинцев или белорусов. Причина тому — тесное взаимодействие и культурный взаимообмен карел, вепсов и русских в Карелии, высокий удельный вес дославянского карельского и вепского субстратов в составе русских Карелии.

Примечания

¹ Этой теме посвящен целый ряд работ: о правилах выбора деревьев и использования их при строительстве нового дома (*Байбури* А.К., *Логинов* К.К. Обрядность рус-

ских Заонежья при строительстве нового дома // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 26—37; *Логинов К.К.* Материальная культура и производственная обрядность русских Заонежья. СПб., 1993. С. 80—82; *Логинов К.К.* Обонежские ритуалы срубания дерева // ЖС. 2000. № 3. С. 11—13; *Логинов К.К.* Лес и «лесная сила» в современных представлениях русских Карелии // ЖС. 2001. № 3. С. 2—3 и др.); о народных поверьях, связанных с культовыми деревьями (*Бернштам Т.А.* Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в. Этнографические очерки. Л., 1983. С. 181—182; *Конкка А.П.* Карельское и восточно-финское карсикко в кругу религиозно-магических представлений, связанных с деревом // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1986. С. 85—113; *Сурхаско Ю.Ю.* Семейные обряды и верования карел. Петрозаводск, 1986. С. 102; *Логинов К.К.* Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993. С. 130, 133—134, 185, 198, 201—202; *Орфинский В.П.* Некрокультовые сооружения российского Севера в контексте христианско-языческого синкретизма // Народное зодчество. Петрозаводск, 1998. С. 60—61; *Логинов К.К.* Похоронный обряд и старообрядческое кладбище поморского села Гридино // ЖС. 2003. № 1. С. 3—6; *Червякова Н.В.* «Вера крещеная» и «заветная» земля: чему и как поклонялись водлозеры // Национальный парк «Водлозерский»: природное разнообразие и культурное наследие. Петрозаводск, 2001. С. 283, 285—286; *Loginov K.K., Tservjakova N.V.* Vodlajarven karsikkot // Karelia. 2000. № 5. P. 99—103 и др.); о символике «дерева» в интерьере крестьянской избы у карел, вепсов и русских Карелии (*Логинов К.К.* «Знак дерева» в крестьянской избе Обонежья // ЖС. 2000. № 2. С. 8—9; *Якушева О.* О символике знаков на ткацком стане // Проблемы археологии и этнографии Карелии. Петрозаводск, 1998. Вып. 1. С. 60—68; она же. Знаки на сетевязках северных вепсов // Проблемы археологии и этнографии северных вепсов. Петрозаводск, 2000. Вып. 2. С. 28—34; *Романовская К.* Об обрядовой функции обыденных предметов (веник, голик, помело) // Проблемы археологии и этнографии северных вепсов. Петрозаводск, 2000. Вып. 2. С. 50—56 и др.). В.П. Ершовым написана статья, посвященная ели как «дереву мертвых» (*Ершов В.П.* Ель — дерево мертвых // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Петрозаводск, 2003. С. 386—390). Предпринималась даже попытка обобщить представления о деревьях в обрядах и поверьях народов Карелии (*Тищенко Е.* Представления о деревьях в обрядах и поверьях жителей Карелии // Проблемы археологии и этнографии Карелии. Петрозаводск, 2001. Вып. 3. С. 21—27).

² *Рыбников П.Н.* Этнографические повести о заонежанах // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1866 год. Петрозаводск, 1866. С. 15.

³ *Лённрот Э.* Калевала. Карело-финский народный эпос. Петрозаводск, 1989. С. 39—41.

⁴ Там же. С. 41.

⁵ *Тищенко Е.* Указ. соч. С. 25.

⁶ Там же. С. 21; Е.Тищенко, говоря о сакральных качествах «пестрого», предлагает обратить внимание на современное городское поверье, что счастье дому приносит живущая в нем «трехмастная», то есть пестрая кошка. Однако у вепсов иногда представления о пестрой кошке (о хвосте пестрой кошки) сближаются с «пестрой змеей», которая у этого народа таила в себе опасность (см.: *Винокурова Ю.И.* Вепсская этнозоологическая классификация змей и севернорусские параллели // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Петрозаводск, 2003. С. 157—159).

⁷ Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, № 3298/32.

⁸ Бесы, по поверьям, не могли укрыться в таком доме, помеченном крестами, а значит, и Бог не искушался метнуть молнию в спрятавшегося в доме беса.

⁹ *Логинов К.К.* Девичья обрядность русских Заонежья // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 66.

¹⁰ Если же колдун рассчитывал воспользоваться колдовскими знаниями также и в загробном мире, то заговоры начитывались на ольховый веник или выструганную ольховую палочку, которые сбрасывались в проточную воду.

¹¹ Рябину в наши дни вепсы высаживают у калитки для защиты от вторжения на усадьбу лесных сил и от «возвращения» покойников с кладбища (*Тищенко Е.* Указ. соч. С. 21).

¹² См.: *Червякова Н.В.* Указ. соч. С. 281.

¹³ См.: *Конкка А.П.* Указ. соч. С. 86—87.

¹⁴ *Кузнецова В.П.* Предания и былички: Памятники русского фольклора Водлозерья. Петрозаводск, 1997. С. 119.

¹⁵ Но срубить его должен посторонний человек, не член семьи.

¹⁶ *Тищенко Е.* Указ. соч. С. 24. Цель заговора вполне прозрачна. Его назначение — не дать унести соседу плодовитость кустарников на другой приусадебный участок.

¹⁷ Там же. С. 23.

¹⁸ *Ершов В.П.* Указ. соч. С. 386—390.

¹⁹ *Зеленин Д.К.* Тотемический культ деревьев у русских и белорусов // Известия Академии Наук СССР. Отд. общ. наук. 1933. № 8. С. 627.

²⁰ *Логинов К.К.* Семейные обряды и верования... С. 114.

²¹ *Логинов К.К.* Похоронный обряд и старообрядческое кладбище... С. 5.

²² *Бернштам Т.А.* Указ. соч. С. 181.

И.А. ШВЕД

СИМВОЛИКА СОСНЫ В БЕЛОРУССКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Как показывает анализ белорусских обрядовых песен, загадок, заговоров, приговоров, запретов, предсказаний, с сосной связан ряд народных стереотипов, касающихся ее внешнего вида, строения, локализации, восприятия дерева как локуса и т.д.

Внешний вид сосны

В обрядовых песнях, а также загадках сосна в большинстве случаев — зеленая *зіму і лета*, или (подчеркивается) *зіму*. Иногда сосна может быть всю зиму красной, *чырванай*, белой, золотой, *яснай*. Сосна также колючая, *сяглістая* (от глагола *стегаць*). Часто сосна описывается как кудрявая, роскошная. В песнях сосна может иметь не характерный для нее вид, дубовую кору, жемчужные листья.

Большую роль в представлениях о сосне имеет ее размер, высота. В сказке сосна настолько высока, что не хватает сотни ставших друг на друга волков, чтобы достать спрятавшегося в ее кроне деда¹. Ориентация вверх, к небу подчеркивается и прямоотой сосны, которая описывается как *простая*². В песнях и заговорах высокая сосна нередко является тонкой. Сосна может быть сухая или зеленая. В первом случае она характеризуется как скрипящая (*скрыплівая*) и имеет негативную оценку.

Выделение в качестве типичных для сосны черт вечной зелени (жизненность), высоты ориентированного вверх прямого ствола характеризует дерево как связанное с верхним ярусом мироздания с соответствующими ему позитивными характеристиками.

ИННА АНАТОЛЬЕВНА ШВЕД, канд. филол. наук; докторант Ин-та искусствоведения, этнографии и фольклора НАН Белоруссии (Минск)